

Ермоленко О.В.**УДК 821.111-3.09****ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ АННИГИЛЯЦИИ И ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ
В РОМАНЕ ГОРА ВИДАЛА «БЭРР»**

Одним из романов «Саги о Золотом веке, 1776-1772» американского писателя Гора Видала (1925-) является роман, повествующий о рождении американской нации и деятельности отцов-основателей США. Главным героем одноимённого романа Гора Видала «Бэрр» (1973) (в русском переводе роман вышел под названием «Вице-президент Бэрр» в 1977 г.) стал Аарон Бэрр.

В истории Соединённых Штатов полковник Бэрр известен как одна из наиболее ярких и одиозных фигур раннего периода истории США, вице-президент 1801–1805 гг., обвинённый в заговоре с целью отделения американского Запада; как «человек, который убил Гамильтона», лидера партии федералистов, стремившегося к установлению в США конституционной монархии по английскому образцу. Ссора между ними привела к самой знаменитой в американской истории дуэли, в результате которой Александр Гамильтон был убит, а Бэрр, вице-президент страны, вынужден был бежать за границу, несмотря на оправдание суда.

Интерес американских писателей к образу Бэрра поражает размахом и устойчивостью, о чём говорит в работе «Аарон Бэрр и американское литературное воображение» Ч. Нолан [5]. За двести лет, по его подсчётам, тридцать три драматурга и сорок девять прозаиков обращались в своих произведениях к жизни Бэрра. Кроме того, сотни журналистов и сочинителей стихов находили в похождениях Бэрра неиссякаемый источник для творчества. Во всей этой обширной литературной продукции прослеживаются три лика А. Бэрра: предателя-заговорщика, коварного соблазнителя женщин и несправедливо оклеветанной жертвы. Американские писатели проводят три исторические и литературные аналогии с образом Бэрра. В нём видят то американского Каталину, то американского Ловеласа, то американского Уорвика, «делателя королей». «Для нашей культуры Бэрр стал символом организатора предательских заговоров, искусителя женщин, жертвой самых ужасающих преследований. В нём драматическим образом отразились глубочайшие опасения, которые вызывает американское общество» [5, p. 157].

Впервые А. Бэрр был изображен в драме «Смерть генерала Монтгомери при осаде Квебека» (*The Death of General Montgomery, 1777*), принадлежащей перу писателя эпохи американской революции Х.Г. Брэнкенриджа. Написанная для укрепления у американцев патриотических настроений, пьеса Брэнкенриджа создала героический образ Бэрра, что долгое время оставалось характерной чертой произведений, посвящённых военной деятельности полковника Бэрра. В других пьесах, написанных в XIX и XX вв., изображается история соперничества Бэрра и Гамильтона, начавшегося в годы революции и приведшего к кровавой развязке много лет спустя. Образ Бэрра, созданный в романах, повестях и рассказах столь же многолик, как и его изображение в пьесах. Наряду с положительной трактовкой его заслуг перед отечеством в литературных работах можно встретить также самые отталкивающие картины его жизни. По оценкам подавляющего большинства зарубежных и советских литературных критиков наиболее значительным воплощением исторического образа А. Бэрра в художественной литературе является роман Гора Видала «Бэрр».

Сюжет романа «Бэрр» основан на том, что молодой клерк и литератор Чарльз Скайлер (вымышленный образ, прототипом которого послужил один из подопечных Бэрра), помощник А. Бэрра в юридической конторе, получает заманчивое предложение по сбору различных сведений о патроне и его окружении. Особенно важным представляются компрометирующие данные о Мартине Ван Бюрене, демократическом кандидате на президентских выборах 1840 г. и незаконном сыне бывшего вице-президента. Ч. Скайлер соглашается на предательство своего патрона, покровителя и, как выясняется впоследствии, отца. В итоге он продает мемуары Бэрра всего за пять тысяч долларов. Бэрр же, преисполненный доверия к Скайлеру, вручает ему мемуары в надежде, что последний напишет его биографию и воссоздаст в ней правдивую историю, как его жизни, так и главных событий эпохи, чтобы поведать миру, «как все было на самом деле». Жизненный путь ключевого художественного образа романа полковника Бэрра прослежен автором романа с момента его участия в американской революции вплоть до ухода из жизни в возрасте восьмидесяти лет. В поле зрения читателя попадает более полувека американской истории и едва ли не все действующие лица той исторической драмы («красочный демократический зверинец государственных мужей»): герои революции и отцы нации.

Безусловно, художественный образ Бэрра привлекает внимание с первых страниц романа незаурядностью своей личности. Это – мужественный участник войны за независимость, талантливый политик, адвокат, обладающий блистательным умом («самая светлая голова среди всех юристов штата»), честолюбивый человек, «полный блеска и обаяния»; энергичная, неунывающая натура, заражавшая оптимизмом даже на склоне лет. Он одержим постоянным стремлением покорять и строить. Он же – первый джентльмен и авантюрист, лелеющий грандиозные планы создания мексиканской империи, который, по мнению одного из героев романа В. Ирвинга, «живёт долго, напоминая о том, что следует забыть». Бэрр – дьявол, Фауст, Наполеон, наделённый искренней верой в собственные благородные побуждения «построить истинную цивилизацию и разделить её с сонмом избранных душ». В то же время Бэрр – делец, человек своей эпохи, обстряпывающий дела, твердо усвоив закон всеобщей продажности. Хотя и ему не чужды понятия чести и долга. А. Бэрр отказался перехватить у Джефферсона в 1800 г. пост президента США, поскольку, согласно его нравственному кодексу, человек должен делать то, что он обещал. Даже когда его дочь Теодосия пыталась склонить отца к сотрудничеству с федералистами, Бэрр

отказался: «Дитя мое, я дал слово Джефферсону». «Позднейшее обвинение Джефферсона, будто я хотел лишить его президентства, вполне в духе бредней Гамильтона, видевшего во мне военного авантюриста. Джефферсон не держал слова, когда ему было не с руки, и меня мерил своей меркой. Но Джефферсон не был джентльменом даже в честерфильдовском толковании этого слова (из виргинцев таковым был лишь один Мэдисон), я же, к несчастью, был джентльменом – или старался им быть» [2, с. 273].

Очевидно, что едва ли Гор Видал берётся за литературное воплощение противоречивой исторической фигуры Аарона Бэрра с единственной целью его реабилитации перед современниками. Рассказать правду, насколько это возможно, о легендарных героях американской революции, «снять с известных любому американскому школьнику портретов ретушь и лак» (Н.А. Анастасьев), поколебать исторический миф – задача, поставленная Видалом в Бэрре. В данном случае, на наш взгляд, нужно сделать следующую оговорку: создание «правдивого» повествования автора ограничено рамками художественной правды и художественного вымысла, а наделённые максимально чертами реальных героев персонажи существуют в рамках вымышленной автором художественной реальности. Поэтому в определённых случаях слово «правда» считаем необходимым брать в кавычки.

«Автор не историю американскую разоблачить стремился, ему надо было поколебать миф, вернуть соотечественникам чувство реальности, отнять у них счастливую уверенность в том, что все устроится само собою, ибо истоки кристально чисты», – говорит Н.А. Анастасьев в работе «Массовая культура и индивидуальный талант» [1, с. 71]. На наш взгляд, автор романа расставляет собственные акценты в далеком американском прошлом, показывая его в совершенно неожиданном ракурсе, и обнажает далеко не лучшие качества исторических лиц и героев. Дж. Вашингтон, герой американской революции, первый президент, предстает перед читателем в качестве бездарного генерала, не выигравшего в жизни ни одного сражения: «Нам было суждено невзлюбить друг друга, – вспоминал Бэрр, – Меня раздражал его медлительный ум, не говоря уже о его потрясающей способности терпеть поражения на поле боя. За три года он проиграл все сражения, выиграв лишь стычку под Трентоном, да и то случайно: гессенцы не выставили часовых в ночь атаки» [2, с. 109]. «Наши войска поспешно бежали, несмотря на присутствие Вашингтона, который кричал на солдат как сумасшедший, сломал трость о голову командира бригады и зарубил саблей сержанта. Ничто не помогло. Плачущего от ярости, его увели под звуки английских горнов, издевательски трубивших охотничью песню: «Ату, ату, лиса удирает!» [2, с. 80]. Бэрру Вашингтон вспоминался с мрачной улыбкой на лице, неизменной порошей пудры, ссыпавшейся с волос на *желто-голубой* мундир. Что же касается государственной деятельности Вашингтона, то, по словам Бэрра, большую часть своего президентства он проводил за придумыванием монограмм, моделей одежды, протоколов пышных церемониалов, в чём ему оказывал помощь верный Гамильтон. «Я подумал, не следует ли мне припасть на одно колено. С каждым годом, с каждым поражением церемонии при дворе Вашингтона делались все более торжественными» – вспоминает Аарон Бэрр на страницах романа [2, с. 108].

Очень скептичен в романе «Бэрр» главный герой и по отношению к Т. Джефферсону. Вашингтон интуитивно не доверял Бэрру, но повысил его в чине. Джефферсон же вырвал у него пост президента и предал суду. Бэрру стоило произнести лишь слово, чтобы получить недостающий голос, но Бэрр этого слова не произнес и, видимо, не простил себе этого шага до конца дней. Джефферсон же заключил сделку с конгрессменом Байардом и одержал победу. Многие другие черты Джефферсона в романе Видала также не соответствуют существующему мифу об отце американской демократии. Вспомним хотя бы приобретение «апостолом демократии» Луизианы весьма недемократическим образом. Видал говорит о лицемерии Джефферсона, его каверзости и криводушии, бесчестьи и ветрености. «В Гамильтоне есть что-то загадочное. О Джефферсоне этого не скажешь, тот просто хотел достичь верхов. Странно, что сейчас Джефферсона считают гением, чуть ли не Леонардо из Вергинии. Действительно, он за всё хватался: и пиликал на скрипке, и строил дома, даже изобрёл лифты для подачи еды с кухни, но, по совести-то, он ведь ничего не умел – разве только добиваться власти» [2, с. 269], «он вечно ускользал, менялся, и так же уклончива была его политика». Обладая немалой долей политического коварства, Джефферсон умело устранял соперников. «Позднее я расскажу о том, как Джефферсон устроил надо мной суд по обвинению в государственной измене, сфабриковал доказательства, угрожал свидетелям – ибо, как говорил он, мы не победили бы в Революции, «если бы наши руки были бы скованы наручниками закона», и есть «особые случаи, когда законы бессильны и когда спасение лишь в твёрдой власти диктатора или военно-полевом суде» [2, с. 249]. В воспоминаниях Бэрра, а, следовательно, и автора «масса Том» был первым защитником рабовладения и первым в истории США империалистом. Он никого из своих рабов не освобождал просто так. Однако иногда он разрешал рабам, нашедшим работу, откупаться. «Без них он не смог бы ... писать Декларацию независимости», – иронизирует Бэрр.

Как справедливо замечает А.С. Мулярчик в работе «Послевоенные американские романисты», «Для Бэрра – и в особенности для Видала – суть проблемы состоит не в недостатках, действительных или преувеличенных, личности Джефферсона, не в его страсти к риторике, переходящей в краснобайство, не в его двуличии и, наконец, не в склонности к женам своих друзей и коллег по политической деятельности, а в колебаниях Джефферсона-политика относительно «священных идеалов» буржуазной демократии, крестным отцом которой он по справедливости считается» [3, с. 254]. Согласно Декларации независимости и американской конституции каждый штат имеет право на выход из федерации и самостоятельную государственность, однако Бэрр оказывается в тюрьме и попадает под суд по обвинению в государственной измене именно за попытку выделения западных штатов из федерального союза.

Бесспорно, художественные образы Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона предстают перед читателем в романе Гора Видала в максимально неприглядном виде: такими, какими их еще не представляла американская литература. Например, в книге американского литературоведа и историка У.К. Ботторфа «Томас Джефферсон» (Thomas Jefferson, 1979 [4]) Джефферсон являет собой пример «типичного» американца, со всеми присущими ему иллюзиями и мечтами относительно человеческой свободы и демократии. Американская революция была для Джефферсона делом священным, страстно ожидаемым. Джефферсон, по К. Ботторфу, политик противоречивый, парадоксальный, с определёнными слабостями натуры и характера. Высокий интеллект Джефферсона, отмечает Ботторф, был «свободен от ортодоксии и консерватизма» [4, p. 16]. Декларация независимости, автором которой стал одарённый литератор Джефферсон, явилась квинтэссенцией «американского сознания и духа» и «навсегда останется воплощением народной философии так же, как и его собственной». «Видал избежал опасности бросить тень сентиментальности на героев восемнадцатого века, чьей суётностью и поглощённостью земными заботами он так восхищался. Но, будучи экспатриантом, колким критиком, амбициозным политическим реформатором с собственными, чуждыми условностям сексуальными пристрастиями, он не смог не поддаться искушению, чтобы не использовать Бэрра и не выразить своих предубеждений; изображая американскую историю глазами Бэрра, роман «ушил» (cut down) Вашингтона, Джефферсона и Гамильтона до размеров намного меньших, чем та одежда, в которую здравомыслящие и скептически настроенные историки их одевали» [6, p. 170–171].

Таким образом, Гор Видал использует в романе дискурсивную стратегию аннигиляции, используемую современными политическими коммуникациями, – вербальное «уничтожение» политиков. В данном случае – аннигиляция «отцов-основателей», полное разрушение существовавших ранее в художественной литературе образов героев и формирование их отрицательного имиджа. Эта стратегия реализуется автором через тактику унижения (стилистическое снижение, лексические средства преуменьшения значимости, скопление отрицательно-оценочной лексики т.д.) и тактику отрицания (например, отрицаются «героические» заслуги исторических деятелей, известные факты их биографий). К примеру, в воспоминаниях о Дж. Вашингтоне Бэрр не упоминает ни одного положительного факта из его биографии. Напротив, всячески подчёркивает недостатки образования («генерал Вашингтон, однако, книг не читал» [2, с. 73]), отсутствие способностей к военному делу, расточительность («хотя Вашингтону вечно не хватало денег, он жил на широкую ногу» [2, с. 73]). Гамильтон был завистлив, имел склонность в тайне читать дамские романы, а «его коварство поражало не меньше, чем блеск его ума» [2, с. 177].

Помимо упомянутых выше героев, в романе фигурируют президенты Адамс, Мэдисон, Монро, Джексон, генералы американской революционной армии, прокурор Соединённых Штатов Д. Хей, посол французской республики Женэ, писатели В. Ирвинг и Дж.Ф. Купер, публицист Ф. Френо и многие другие лица и деятели ранней американской истории, показанные автором также с позиции аннигиляции. Все они – типичные американские характеры, яркие личности, обладающие собственными представлениями о тех ценностях, на которых зиждется «авторитет» мифологемы «американской мечты». В итоге мы можем говорить о десакрализации мифологемы героя при смене дискурсивной ценностной парадигмы.

Источники и литература:

1. Анастасьев Н. А. Массовая культура и индивидуальный талант / Н. А. Анастасьев // Разочарование и надежды : заметки о западной литературе сегодня / Н. А. Анастасьев. – М. : Сов. писатель, 1979. – 182 с.
2. Видал Г. Вице-президент Бэрр : роман / Г. Видал; послесл. Н. Н. Яковлева; [пер. с англ.]. – М. : Прогресс, 1977. – 528 с.
3. Мулярчик А. С. Послевоенные американские романисты / А. С. Мулярчик. – М. : Худож. лит., 1980. – 279 с.
4. Bottonff W. Thomas Jefferson / W. Bottonff. – Boston : Twayne, 1979. – 162 p. – Bibliog. : p. 141-159.
5. Nolan Ch. J. Aaron Burr and the American Literary Imagination / Ch. J. Nolan. – Westport (Conn.), London : Greenwood press, 1980. – XIV. – 210 p. – (Contributions in Amer. Studies ; N 45). – Bibliog. : p. 187-200.
6. Strout C. The Veracious Imagination : Essays on American History, Literature, & Biography / C. Strout. – Middletown, Conn. : Wesleyan Univ. press, 1981. – 301 p.